

**ГРАЖДАНСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ / ОТВ.
РЕД. В.С. МАГУН. М.: ИН-Т СОЦИОЛОГИИ РАН,
2006. — 327 с.¹**

Сборник статей — яркий примером того, как при определенной философии менеджмента в науке грантовая система поддержки исследований может способствовать не только конкуренции между персонами и институтами, но и продуктивной кооперации. Авторский коллектив включает сотрудников Института социологии РАН, ученых, работающих под эгидой Уральского и Новгородского МИОНов, исследователей АН Республики Татарстан и Казанского госуниверситета. В редколлективу вошли Л.М. Дробижева, И.М. Кузнецов, В.С. Магун. Впечатляет и список организаций, поддержавших проект: Министерство образования и науки РФ, ИНО-Центр, Институт им. Кеннана Центра Вудро Вильсона, Корпорация Карнеги, Фонд Дж. и К. МакАртур.

В открывающей сборник статье Л.М. Дробижева на материале серии массовых и экспертных опросов, проведенных в 1993–2004 гг. в регионах РФ, прослеживает динамику «акцентации» общероссийской и региональной (республиканской) государственной и этнической идентичностей у представителей разных этнических групп. Анализ содержания этнической и российской государственной идентичностей (с. 20–29) демонстрирует необходимость различать повседневный и идеологический уровни: несмотря на уверенность идеологов в государственности русских, с государством себя идентифицируют не более 20–25 % (с. 21). Стигматизации этничности как рудимента противопоставляется объяснение ее укорененности (не устранимой никакой модернизацией) в человеческой повседневности. Эвристично аналитическое различение этнической, государственной и гражданской идентичностей в сочетании с различением идеальных типов либеральной демократии и автократии. В первом случае суверенная, самоуправляющаяся нация (общество) «овладевает государством как политическим институтом», с помощью которого она защищает и утверждает себя (Р. Эмерсон). Там, где это удастся, государственная и гражданская идентичности выступают как равнозначные (с. 12–13). Российское централизованное государство, насаждая «принцип подданничества власти», традиционно тормозит самоорганизацию гражданского общества. После распада СССР сформировать повседневную державную идентичность в России оказалось проще, для формирования же гражданского самосознания требуется переориентировать большинство населения «с патерналистских настроений на деятельностьную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих», а этот процесс еще только начинается (с. 13–14). В условиях автократии сближаются не государственная и гражданская, а государственная и этническая идентичности, актуализирующиеся типологически сходными механизмами: неспособные к самоорганизации подданные делегируют надындивидуальному агентству — государству — ответственность за свое благополучие.

¹ Сборник выложен на сайте Федерального образовательного портала «Экономика, социология, менеджмент» [электронный ресурс].
<<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/289809.html>>

Приведенные данные показывают, что обострение у россиян «естественной потребности» в государстве связаны не только с внешнеполитическими угрозами, но и с социально-экономической депривацией. Если отражение внешнеполитических угроз — прямая функция любого (и либерально-демократического, и авторитарного) государства, то возлагать ответственность на государство за неудовлетворительные культурные и социально-экономические условия жизни естественно лишь тогда, когда население не видит смысла ни в индивидуальных усилиях, ни в гражданской самоорганизации. Когда солидаризация (групп) граждан затруднена, выход находится в иных, уже готовых — этнонациональных и религиозных — формах идентификации. Универсальность этого вывода подтверждают этнически маркированные движения в «благополучных», с экономической точки зрения, странах Западной Европы.

М.Б. Хомяков, также упоминая о гражданах и подданных, ратует за идеологическое конструирование минимально нагруженной ценностями идентичности гражданства, достаточно широкой, чтобы допустить «частичные» групповые идентичности в публичную сферу для обсуждения общественно значимых проблем. В качестве оппонентов этой идеи автор представляет два либеральных проекта по снижению межгрупповой напряженности. Первый проект М. Игнатъеффа, ставящий целью «направленное ослабление групповых идентичностей за счет их “индивидуализации”», то есть расщепления на индивидуальные атомы, элиминацию межгрупповых различий (с. 42). Контраргумент М.Б. Хомякова апеллирует к онтологии: социальные (групповые) различия столь же естественны, сколь и различия природные, и в развитом обществе имеют даже большее значение (с. 42). Второй проект организованного общественного невнимания подвергается практической критике: последовательное и тотальное невнимание к *значимому иному* представляет фатальную угрозу для меньшинств. В качестве примера автор приводит благожелательное отношение китайского государства к некогда многочисленной иудейской диаспоре, которая к XVI веку утратила антропологическую специфику, а затем и религиозную, полностью растворившись в китайском этносе (с. 36). Вместе с тем доминирование государственной и/или национальной идентичности опасно «той “кристаллизацией” общественной среды, которая делает невозможным дальнейшее мирное существование различных групп» в современном, то есть мультикультурном обществе (с. 49, 55-56).

Завершает теоретический раздел изящная статья А.В. Логинова «Презумпция общества». Композиционно текст разбит на 4 части: (0) короткое введение, (1) экспозиция в проблематику определений гражданского общества и вариантов его соотношения с государством, (2) индивидуалистическая трактовка центрального для классической социологии вопроса «как возможно общество?» с опорой на неклассические тексты и, наконец, (3) экспликация ответа Н. Лумана на вопрос о возможности составить единство из гетерогенных элементов. Прочтение статьи гарантирует не только эстетическое, но и интеллектуальное удовлетворение. Автор проводит читателя через «страсти» по единой гражданской, национальной и т. п. идее, и в итоге читатель выходит окрепшим: важна не полная победа разделяемой концепции; важно участие в аутопийетическом процессе. Система обязательно заметит и среагирует.

Эмпирическую часть сборника открывает сравнительный анализ Е.Н. Даниловой гражданских и этнических идентификаций в России и Польше, сделанный по результатам проведенных по единой методике опросов. Опора на широкий историко-культурный контекст позволила автору вскрыть в данных, полученных простыми измерительными инструментами, тонкие, порой неожиданные различия в сходном и сходства в различиях. В частности, утверждается, что структура идентификаций россиян более соответствует современным обществам — приоритет отдается государственно-гражданским идентификациям, тогда как в Польше более значимы архаичные этнокультурные идентификации: польский мир основывается на «трех китах»: семья, нация, вера, тогда как государство имеет меньшее значение (с. 80). С этим выводом солидарны и польские коллеги; в частности, К. Косэла полагает, что россияне ушли от триады С. Уварова «православие, самодержавие, народность», провозглашенной в XIX веке, а поляки в веке XXI к ней вернулись (в измененном варианте) (с. 97).

М.Ф. Черныш проблему статьи формулирует четко. Есть определенное число проектов социального развития России, в которых детально прописаны «отношения между властью и обществом и отношения собственности, но не проработан вопрос об их приемлемости для населения. Без массовой поддержки проект повисает в воздухе, а его достижения оказываются мнимыми перед лицом любой кризисной ситуации (с. 103). Анализ реалистичности общегражданского и светского национального (с. 104-107) приводит автора к следующим выводам. Минус гражданского проекта состоит в низкой мобилизационной силе, что неприемлемо для страны, которая полагает, что находится «в кризисном состоянии» и вынуждена «реагировать на многочисленные внешние вызовы» (с. 104). Если учесть, что среди сопоставимых с Россией стран (которые россиянам незачем сопоставлять с Россией) едва ли можно найти хотя бы одну, которая бы не была подвержена внешним вызовам и отказывалась бы от кризисных самоописаний, то указанный недостаток можно переформулировать следующим образом: общегражданский проект плох, потому что требует отказаться от привычной мобилизационной стратегии развития. Минус национального проекта в том, что в опыте России такого проекта никогда не было: до революции сакральным стержнем было православие, «открытое для всех, кто его добровольно принимал», а коммунистическая идея «полностью исключала национальное мышление» (с. 106). Отсюда гипотезы: (1) «общегражданские идентичности более пригодны для российского общества»; (2) национальная (в смысле этническая) компонента в русском общественном сознании будет усиливаться как последний мобилизационный ресурс (учитывая, что светское общество на религиозной и гражданской основе консолидировать невозможно). Проанализировав данные двух опросов — населения и управленцев высшего и среднего звена, — автор выделил четыре конкурирующих типа русской этнической идентичности (с. 112-113), среди которых есть и тип буржуа, «стремящегося канализировать накопившийся в обществе ресентимент в русло борьбы этнических групп», и тип националиста, «базирующегося на признании приоритета общегражданских ценностей».

Материалом для статьи Л.А. Окольской «Публичные фигуры как объект симпатии и идентификации российской и украинской молодежи» послужили

результаты опроса, в ходе которого подростков просили назвать известных людей, которые им *особенно нравятся*. (В заглавии статьи неправомерно отождествляется идентификация с симпатией: совсем не обязательно полагать, что особи всевозможных полов и гендеров, симпатизируя Мадонне и братьям Кличко, в одинаковой степени с ними идентифицируются.) В результате анализа получились категории государственных деятелей, представителей высокой культуры, массовой культуры и деятелей спорта. В обеих странах рейтинг возглавили национальные фигуры: в России — политики, в Украине — спортсмены. В обеих столицах подростки более космополитичны в своих симпатиях. Если в 1980-е гг. в восточноевропейских странах на молодежной сцене доминировали западные фигуры, то сегодня — отечественные (с. 117). Повсеместно молодежь больше ориентирована на современников, чем на исторические фигуры; мужчинам отдают приоритет подростки обоих полов (с. 126).

Е.А. Шумилова и Е.А. Ходжаева материалами фокус-групп и глубинных интервью подтверждают опасения тех авторов, которые указывают на неприемлемость строительства общегражданской солидарности на едином этническом и религиозном компоненте. Согласно приведенным данным, трудности в становлении российской гражданской идентичности мусульмане испытывают даже в Татарстане, где численность русских и татар сопоставима (авторы ссылаются на перепись 1989 г.), а соотношение мусульманских и православных организаций (986 и 204), мечетей и храмов (1014 и 176) (с. 133) можно считать комфортным для титульного этноса. Авторы показывают, что «отсыл национальной идеи к православию, использование православных атрибутов в качестве национальной (в смысле государственной. — *О.О.*) символики, а также антиисламская пропаганда» приводят к тому, что позитивная российская гражданская идентичность у мусульман «складывается скорее вопреки федеральной идеологии, нежели в согласии с ней» (с. 140). В цитируемых интервью с преподавателями исламских учебных заведений отчетливо артикулируются позиции гражданина, а не верноподданного, что возвращает нас к сюжету об отношении между государством и обществом в России. В статье явно не ставилась цель всесторонне осветить модернизационный потенциал ислама, однако идея о модернизационном потенциале (в общероссийском контексте) граждански активного меньшинства находит подтверждение в исторических примерах, когда отвоєванные «своими иными» по праву инаковости частные привилегии постепенно становятся нормой и для «своих таких же».

Явно симпатизируя активной и толерантной православной гражданственности (типологически сходной с мусульманским гражданским активизмом предыдущей статьи), С.В. Рыжова систематически исследует соотношение разнокачественных религиозных (православных) и гражданских идентичностей. Систематичность заключается в том, что возможность гражданской и религиозной идентификации последовательно рассматривается с позиции единства сознания (когнитивного компонента, формируемого под значительным влиянием идеологического воздействия) и личностного опыта взаимодействий в обществе. Автор предлагает две типологии православной идентичности (во второй типологии говорится о «субъективности»). Первая строится на соотношении и взаимодополнении теоретически выделенных

слоев православной идентичности — культурном (поверхностном) и религиозном (ядерном). Вторая типология представляет собой психологическую интерпретацию эмпирически выделенных в публикационном потоке православных субдискурсов. Глубокие характеристики типов содержат массу теоретических импликаций для понимания структуры идентичности (не только религиозной), факторов и этапов ее формирования. Вместе с тем читателя не покидает ощущение, что без глубокой интуиции строить типологии на комплексных и разноплановых основаниях было бы невозможно.

В основу статьи Л.П. Ипатовой о двух случаях воцерковления положена концепция, разработанная автором для анализа биографических нарративов. Концепция основывается на допущении, согласно которому жизненный путь индивида подчинен *габитусному проекту/стратегии* (ГПС): (1) проект уходит корнями в прошлое семьи и задает основные жизненные смыслы; (2) стратегию формирует сам индивид, притягиваясь или отталкиваясь от смыслов проекта; (3) габитус вырабатывается в ходе реализации стратегии (с. 177). Полученная конструкция дает аналитику автобиографических нарративов существенные преимущества: в ней заложен методический постулат, из которого явно или неявно исходит любой классический аналитик символической информации — о целостности (даже если текст сохранился не полностью) и логической непротиворечивости текста; кроме того, теоретический бэкграунд каждого компонента концепции дает теоретически насыщенный терминологический словарь для интерпретаций материала. Вместе с тем жесткость концепции не позволяет различать в нарративе разные уровни реальности и обезоружит аналитика, если ему доведется работать с разными версиями автобиографии персоны, пережившей более одного *обращения*. Отметим вызывающее восхищение умение автора во время интервью располагать собеседника к воспоминанию и изложению нетривиальных жизненных подробностей.

Статью «Сцена» террора в культурных войнах: проблемы воображаемой общности и политики идентичности» С.Л. Кропотова мы бы отнесли к «кинематографическим» текстам: ни одна антиномия не успевает застыть и обрушиться под собственной тяжестью — всякий индивид находится в движении, релятивизируется относительно других объектов и субъектов и собственной ускользающей, одновременно желанной и опасной, идентичности. Текст буквально вибрирует мыслью: сегодня, изучая идентичность, не надеясь выстроить ньютоновский космос. А за вибрацией следует смутное: а действительно ли происходящее сегодня беспрецедентно? Эпоха барокко, например (как и постмодерн), уже воспринимала себя как абсолютно беспрецедентную. Сегодня, пишет автор, и консерваторы, ведущие охранные культурные войны, и «новаторы», ведущие трансформирующую пределы возможного политику идентичности, конституируются «интенсивным переживанием *коллективной идентичности*», базирующейся на мифологически (безапелляционно) конструируемой «коллективной приватизации пространства». Искусство презентации идентичности в том, чтобы избежать проблематизации аутентичности своего бытия (с. 215-217). Можно ли в качестве прецедента указать на хорошо задокументированные титанические усилия по конструированию гордых генеалогий некогда безродными основателями королевских династий? Тем более что при отмечаемом автором сохранении

разрыва между властью и безвластием, в борьбе за свои идентичности слабая сторона вынуждена (как и раньше) играть по правилам сильной — в пределах «дискурса большого брата» (с. 223). Все-таки очарование дискурса постмодерна имеет не столько интеллектуальную, сколько эстетическую природу, за которой маскируется невозможность/нежелание (синонимы в эпоху постмодерна?) смягчать последствия и вообще нести ответственность за «восстание элит».

Полезность исторических экскурсов для понимания настоящего демонстрирует статья А.В. Лукиной. Перенеся читателя в XIX век — век строительства наций средствами государственной политики в области образования и культуры, — автор экономными штрихами показывает, что уже в тот период Россия отставала в деле нациестроительства от островной Великобритании, которая, как и Россия, была и продолжает быть полиэтничным государством (поэтому сравнение более чем уместно). Объективные причины отставания — слабость коммуникаций и запаздывающее развитие капитализма (с. 243), который, собственно, и нуждался в унифицированных грамотой гражданах с общественным (а не локальным) кругозором. В то время, когда Британская империя уже всю поддерживала культурную революцию, нацеленную на формирование нации (nation) путем втягивания широких слоев населения в активно унифицируемое культурное пространство (с. 237-239), в России забота о национальной идентичности была уделом политическом дискурсе понятие «нация» становится ключевым средством давления на правящую династию» (с. 245). Показано, что забота российского государства о развитии народного образования диктовалась скорее политическими угрозами (русификация окраин для противодействия сепаратизму), нежели перспективами экономического развития. Поздно перенимались и визуальные технологии внедрения национальных символов. Несмотря на то, что к 1897 г. уровень грамотности составлял лишь 21 %, в развитии визуальных средств конструирования национальной идентичности — публичных музеев — Россия отставала от ведущих европейских стран: очень «постепенно императорская власть начинает признавать преимущество музея как символического пространства, в котором ярко и наглядно представлен нарратив нации» (с. 246). Аналогом буржуазного проекта построения нацигосударства в России выступал проект Александра III «национализации империи», который, как указывает автор, был завершен только в 1940–1950 гг. Учитывая запаздывающий характер модернизации, содержательные лейтмотивы конструируемой в России национальной идентичности с XIX века не изменились: мотивы утраты и войны (борьбы, требующей огромного напряжения сил) актуальны до сих пор (с. 250-252).

Насыщена фактами и теоретически релевантными интерпретациями статья Л. Сагитовой. Текст разделен на две части. В первой части описываются стратегии конструирования концептуального пространства, используемые четырьмя ведущими изданиями Республики Татарстан для формирования этнорегиональных идентичностей. Показано, что в каждой стратегии при конструировании специфических оппозиций «мы – они» этнорегиональным содержанием может наполняться даже нейтральная топка. В статье дается периодизация формирования республиканской идентичности: резкое

дистанцирование от Центра (до 1994 г.), неконфликтное утверждение республиканской идентичности (до 2000 г.), интерпретация республиканской идентичности как составной части общероссийской идентичности (с. 257). Во второй половине статьи спросу на конкурирующие стратегии и их амбивалентности предлагается социально-историческое и инфраструктурное объяснение. Каждый субдискурс этнорегиональной идентичности имеет свою целевую аудиторию: русские, городские татары, сельские татары и горожане первого поколения. Отсутствие инфраструктуры высшего образования на татарском языке обуславливает границы бытования двух основных языков, а русский язык сохраняет привлекательность как реkvизит для социальной мобильности и средство расширения культурных горизонтов.

Вкладом Новгородского МИОНа явилась статья Н.А. Шайдоровой с широким определением предмета в заглавии: «Формирование идентичности личности и национальная мифология: историко-литературный аспект». Впрочем, автор обещает остановиться «на отдельных аспектах процесса мифологизации образа женщины в американской и российской культуре XIX – начала XX века» (с. 283). После замечаний о непростой истории мифа читатель найдет характеристику двух мужских литературных образов первых половин XVIII и XIX вв., поскольку «вплоть до последней четверти XIX в. (пуританская. — *О.О.*) американская литература избегала всего, что касается женщины» (с. 287). К концу статьи появляются и два образа «американской девушки» — с мифологическим набором молодости, невинности, легкости и самоуверенности. Обещанных женских образов из российской культуры XIX – начала XX века читатель так и не дождался.

В.Н. Михайленко ищет «ценностные основы консолидации российского общества». Он исходит из того, что итогом советского проекта стали *добржуазные* идентичности (культурные, этнические, гражданские и др.), *добржуазные* общественные отношения и ценностные структуры (с. 291-292). Автор сосредоточивается на двух основных вопросах: насколько предлагаемые интеллектуалами идеологические проекты способны модернизировать ценности, отношения, идентичности и насколько деятельность нынешней российской власти обещает переход к «модернизационной матрице». На оба вопроса автор склонен отвечать отрицательно. В чем выход? Во-первых, не выдумывать сложных ценностных конструкций, а предлагать нечто интеллектуально простое, например, «абсолютную ценность человеческой жизни». Во-вторых, перейти к более рациональным моделям управления: «рассматривать идеологию как инструмент управления ресурсами и самоорганизации общества» (с. 304). В управлении нужно исключить как революционную конфронтацию, так и профессиональное манипулирование. «Квалифицированное воздействие должно осуществляться исключительно в режиме актуальной настройки системы» (там же).

Завершает сборник статья А.Г. Вишневого «Альтернативы миграционной стратегии России и политика идентичности», в которой никакой альтернативы, правда, не видно. Усматривается один вариант: разработать и внедрить активную иммиграционную стратегию для предотвращения депопуляции российской территории, которая, согласно долгосрочным прогнозам, основанным на трендах демографического поведения, попросту *неизбежна*. Автор показывает, что та же альтернатива (вернее ее отсутствие)

стоит перед всеми странами «северного пояса», за исключением США, чье население уменьшаться не будет *только* благодаря интенсивной иммиграции. Согласно расчетам автора, в ближайшие десятилетия России необходимо принять не менее 20 млн. иммигрантов для восполнения убыли трудоспособного населения и сохранения перспектив экономического роста. При этом иммиграционный потенциал славянского и русскоязычного населения из стран СНГ оценивается в 8 млн. Приведет ли это в перспективе к смене «российской идентичности»? Вопрос, что понимать под этими словами. Этнический состав изменится: согласно наиболее благоприятным прогнозам, к концу XXI в. русских в России будет не более трети. Сходная перспектива просчитывается и для стран Европы. Изменить ситуацию «своими силами», воспроизводством — утопия, о которой не надо даже думать: против установившегося тренда нет приема. А вот приведет ли изменение этнических пропорций к социокультурным потрясениям зависит от того, как скоро и эффективно будет запущена работа «плавильного котла» — процесса аккультурации иммигрантов и их потомков. Учитывая сокращение численности детей и молодежи, «российская система образования располагает сейчас резервами, которые как раз и могли бы быть использованы... Но эти резервы при отсутствии спроса на них могут очень быстро испариться» (с. 321).

О.А. Оберемко,
кандидат социологических наук